А. В. Карташев

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ БИБЛЕЙСКАЯ КРИТИКА

С предисловием
митрополита Волоколамского Илариона

Антон Карташев

Ветхозаветная библейская критика

«ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ»

1944

УДК 27
ББК 86.372

Карташев А. В.

Ветхозаветная библейская критика / А. В. Карташев — «ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ», 1944

ISBN 978-5-9908681-1-3

Книга представляет собой переиздание знаменитого доклада А. В. Карташева «Ветхозаветная библейская критика», который был прочитан 13 февраля 1944 года в парижском Свято-Сергиевском богословском институте. В связи с трудностями военного и послевоенного времени доклад Карташева был опубликован лишь в 1947 г. – в издательстве YMCA-PRESS в Париже, небольшим тиражом. Это издание давно уже стало библиографической редкостью. Полного переиздания доклада Карташева не было. Книга снабжена предисловием митрополита Илариона (Алфеева) и краткой справкой биобиблиографического характера, посвященной жизни и деятельности А. В. Карташева. Для всех, интересующихся библеистикой и богословием.

УДК 27
ББК 86.372

ISBN 978-5-9908681-1-3

© Карташев А. В., 1944
© ЦЕНТР УЧЕБНОЙ И НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ – ПОЗНАНИЕ, 1944

Содержание

Предисловие 6
А. В. Карташев и его доклад «Ветхозаветная библейская критика» 9
I 9
II 10
III 12
IV 14
Актовая речь, произнесенная А. В. Карташевым 13 февраля 1944 г. в Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже (93, Rue de Crimee) 15
I 16
II 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

А. В. Карташев
Ветхозаветная библейская критика

С предисловием *митрополита Волоколамского Илариона*

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р17–702–3055

© Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. Кирилла и Мефодия, 2017
© Издательский дом «Познание», 2017

Предисловие

Свыше семидесяти лет назад, 13 февраля 1944 года, в парижском Свято-Сергиевском богословском институте, крупнейшем на тот момент центре русской богословской мысли, прозвучал доклад «Ветхозаветная библейская критика». Докладчик, Антон Владимирович Карташев, известный историк и один из ведущих профессоров института с самого момента его создания в 1925 г., в прошлом министр исповеданий при Временном правительстве, говорил о необходимости приобщения православных ученых к достижениям современной библеистики: *«Поворот, производимый в данном случае библейской наукой, относится к крупнейшим событиям в истории духовной жизни человечества <…> В неизбежно предстоящем Русской церкви… миссионерском походе по обширному лицу родной земли нельзя обойтись одними устарелыми средствами из арсенала нашей научно-богословской отсталости. Чтобы бить врага на всех его кажущихся передовыми и научными позициях, нужно самим владеть оружием новейшей научной техники. Но для этого нужно ее сначала творчески воспринять, усвоить и преобразить в лоне церковного богословия и церковной истины».*

«Библейская критика», которой был посвящен доклад Карташева, – это сложившаяся в Европе нового времени научная дисциплина, в основе которой лежит историко-филологический подход к библейскому тексту. Такой подход подразумевает, во-первых, текстологический анализ (восстановление древнейшего вида текста через сравнение рукописей), во-вторых, филологический анализ (с обязательным привлечением других письменных памятников Древнего Востока и античности), в-третьих, исторический анализ (с учетом нашего знания об истории и реалиях Древнего мира, о жизни, быте и мировоззрении людей того времени). Можно сказать, отличительной чертой новоевропейской библейской науки является то, что к библейскому тексту, в его буквальном прочтении, предлагается применять те же самые способы анализа, что и к другим древним текстам.

Некоторые до сих пор придерживаются мнения, будто православный христианин должен отвергать библейскую критику как продукт преимущественно протестантской науки. Это мнение следует считать ошибочным. Благоговейное отношение к Библии отнюдь не исключает анализа ее текста – критического не в смысле отрицания или оспаривания содержащихся в нем богооткровенных истин, а в смысле вдумчивого сравнительного разбора различных версий библейского текста. Отвергая с порога библейскую критику, ее оппоненты забывают, например, о том, что в православной традиции нет единого общепринятого текста Библии (достаточно указать на различие между славянской и русской Библией). Сличение древних рукописей, установление разночтений и выявление наиболее авторитетного текста никоим образом не противоречит православному пониманию Священного Писания. Критические издания библейских текстов не менее ценны для православного христианина, чем для католика или протестанта. Оппоненты современной библейской науки забывают, что Синодальный перевод, сделанный под руководством святителя Филарета Московского, учитывал лучшие достижения библейской науки своего времени (за что тоже подвергался тогда немалым нападкам).

Именно против такого бездумного отвержения современной библейской науки и выступал в своем докладе Карташев.

Вне всякого сомнения, филологические исследования Библии помогают нам восстановить исторический контекст Священного Писания, лучше понять, как слова Писания воспринимались первыми его читателями и слушателями. Как писал протоиерей Сергий Булгаков, другой представитель «парижской» школы русского богословия: *«Истина едина, но постигается людьми в дискурсивном процессе развития. И православному сознанию нет оснований бояться библейской критики или смущаться пред нею, потому что чрез нее лишь конкретнее*

становятся постижимы пути Божии и действие Духа Божия, многократно и многообразно действовавшего в Церкви»[1].

За несколько лет до доклада Карташева, в 1936 году, еще один русский богослов, Борис Иванович Сове, в тезисах, представленных на I Конгрессе православных богословов в Афинах, писал о том, что богодухновенность Библии должна быть понимаема *«в свете Халкидонского догмата о Богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки, анахронизмы, которые могут быть исправлены внебиблейскими данными, обогатившими, особенно в последние десятилетия, историю Древнего Востока. Ложный апологетический взгляд на Библию как на энциклопедию исторических и естественных наук должен быть оставлен. Ветхозаветные боговдохновенные писатели – прежде всего богословы и вероучители»*[2].

Еще одним предшественником Карташева следует считать известного греческого православного библеиста и богослова профессора Василия Велласа. На том же самом I Конгрессе православных богословов в Афинах Веллас выступил с докладом «Библейская критика и авторитет Церкви». В этом докладе он подчеркивал, что Православная Церковь никогда не связывала богодухновенность библейского слова с вопросами об авторстве отдельных книг. Богодухновенность, говорил Веллас, относится, прежде всего, к догматическим и религиозным истинам Писания, а не к данным исторического, геологического, географического или хронологического характера[3].

Веллас, по сути, заложил основы современной греческой библеистики. Его работы по Ветхому Завету до сих пор служат университетскими учебниками, а его учениками стали многие греческие библеисты. Сближению греческих богословов и университетской науки способствовала его работа в Афинском Университете (в течение нескольких лет он был ректором Афинского Университета) и вхождение в ряд структур Элладской Церкви (в частности, он возглавлял миссионерскую организацию Элладской Церкви – «Апостолики Диакония»). В 1960-е годы в Афинском Университете под руководством Велласа и при поддержке Греческого библейского общества был осуществлен перевод Нового Завета на современный греческий язык.

К сожалению, наследие Карташева в российской библеистике оказалось намного менее востребованным, чем работы его коллеги Василия Велласа в Греции. Судьба России в XX веке вообще не благоприятствовала развитию церковной науки. После революции богословская наука в России на семь десятилетий практически прекратила свое существование. Возрожденные в 1943 году духовные школы не могли поставить перед собой задачу восстановления богословской науки во всем ее дореволюционном объеме. Даже сейчас, спустя почти три десятилетия после окончания государственной политики «научного атеизма», эта задача не решена.

Особенно сильно трагедия русской богословской науки сказалась на библеистике. В качестве учебных пособий в наших духовных школах до сих пор зачастую используются труды дореволюционных авторов либо их пересказы. Между тем на Западе богословская наука не стояла на месте. Даже по отношению к временам Карташева (не говоря уже про начало XX века) в области библеистики был сделан грандиозный скачок: множество монографий, исследований, статей было написано по отдельным книгам Библии, по библейской истории, библейскому богословию.

---

[1] *Булгаков Сергий, прот.* Православие. Очерки учения православной церкви. Paris: YMCA-Press, 1964. С. 60.

[2] Путь. № 52. С. 68.

[3] «Bibelkritik und Kirchliche Autarität», Procès-verbaux du I Congrès des théologiens orthodoxes à Athènes. Athènes, 1939. P-135–143.

Православная наука не имеет более права игнорировать весь тот богатейший материал, который накоплен западной библейской наукой к началу XXI столетия.

Конечно, на сегодня работа Карташева во многих своих деталях уже устарела. Но если говорить не о деталях, а о том, что было для Карташева самым главным – что нужно сочетать «наши научные библейские методы с нашей библейской верой», – эта задача ныне актуальна ничуть не меньше, чем в 1944 году.

Иларион, митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, ректор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. сев. Кирилла и Мефодия, председатель Синодальной Библейско-богословской комиссии
Москва, март 2017 г.

А. В. Карташев и его доклад «Ветхозаветная библейская критика»

I

Антон Владимирович Карташев родился в 1875 г. в семье уральского горняка. Богословское образование получил в Пермской Духовной Семинарии (1894) и Санкт-Петербургской духовной академии (1899), где, по окончании курса, с 1900 до 1905 г. преподавал историю Церкви. В 1905 г. руководство духовной академии поставило его перед выбором: либо продолжить свои занятия публицистической и церковно-общественной деятельностью, либо оставить академию. Карташев выбрал второе. После этого вплоть до 1917 г. он был сотрудником Петербургской публичной библиотеки и преподавал историю религии на Высших женских курсах. С 1909 по 1917 г. состоял председателем Религиозно-философского общества в Петербурге.

В 1917 г. Карташев принял непосредственное участие в подготовке Поместного Собора Русской Православной Церкви; в это же время он активно участвует и в политической жизни страны, вступает в партию кадетов. С 25 марта 1917 г. – товарищ обер-прокурора Святейшего Синода. 25 июля 1917 г. Карташев был назначен обер-прокурором Святейшего Синода и немедленно внес законопроект, по которому прежние отношения между Церковью и государством были полностью преобразованы: обер-прокуратура упразднялась, Церковь становилась независимой от государства. Его предложение было принято, и 5 августа 1917 г. должность обер-прокурора была упразднена. Став после этого министром вероисповеданий Временного правительства, Карташев сыграл ключевую роль в организации скорейшего созыва Поместного Собора и открыл его от имени Временного правительства 15 августа 1917 г.

После переворота 25 октября 1917 г. Карташев три месяца провел в тюрьме и был выпущен лишь в январе 1918 г. Тогда же, в январе 1918-го, Поместный Собор избрал Карташева членом Высшего Церковного Совета. Он активно участвовал в работе Собора вплоть до его разгона большевиками и, одновременно, играл одну из ведущих ролей в деятельности подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр». В 1919 г. выехал из России, участвовал в Белом движении, а после его поражения эмигрировал во Францию. С момента создания в 1925 г. Свято-Сергиевского богословского института в Париже Карташев становится одним из его ведущих профессоров и преподает на кафедрах истории Церкви и Ветхого Завета вплоть до самой своей кончины в 1960 г.

Его характер, живой, деятельный, ищущий, столь ярко проявившийся в его общественной деятельности в России, ясно чувствуется и в работах парижского периода. Перу Карташева принадлежит множество исторических и богословских трудов, в том числе монументальные «Очерки по истории Русской Церкви», однако небольшой доклад о ветхозаветной библейской критике он считал – совершенно справедливо – одной из важнейших своих работ. Не зря по предложению пекана Свято-Сергиевского института прот. Сергия Булгакова именно за этот труд Карташеву было присвоено звание доктора церковных наук.

II

В программной статье «парижского» периода своей деятельности – «Свобода научно-богословских исследований и церковный авторитет» – Карташев писал[4]:

«Как Христос по-человечески "возрастал и укреплялся духом, исполняясь премудрости… и преуспевая в премудрости" (Лк 2, 40 и 52), так и церковь в раскрытии своего учения. Этот процесс есть наглядное отрицание наивной мысли, склонной видеть долг православия только в записывании и недвижном хранении древнего предания. Если бы св. отцы этим ограничились, церковь не имела бы ее настоящей догматики, ни Единосущия, ни Трех Ипостасей, ни двуединства природ и воль во Христе, ни культа Богоматери, ни икон… Как раз учители позднейшие, начиная с апологетов, и особенно отцы золотого века (IV–V вв.), те, которые внесли в раскрытие учения церкви все богатства эллинской культуры и философии, именно они и стали главными столпами хранимого нами по преданию учения церкви в его развитом виде. Этот культурно-исторический, человеческий элемент с его относительностью органически и внутренно вошел в недра церкви, став живой оболочкой абсолютных истин христианского откровения. С одной стороны, этим и греческий язык и принятые в лоно догматов элементы античной философии были сублимированы, освящены и увековечены. С другой, – этим же примером и опытом освящались в принципе и все дальнейшие этапы исторической жизни церкви в грядущих веках, в недрах других народов, иных языков и культур… Путь к этому открыт и благословлен, при условии сохранения естественного пиетета пред честью первенства и благодатной гениальностью свв. отцов греческих. Достигнутая степень раскрытия христианской доктрины и ее антично-философская оболочка – не вечны и не единственны…

Свв. отцы первых восьми веков христианства не имели пред своим сознанием ни тех философских предпосылок, ни тех проблем, которые ставятся пред нами – чадами новых культур. Христиане новых веков вовсе не осуждены на роль архиваариусов и музейных хранителей эллинских форм догматики. Они, как и древние, суть такие же живые носители существенного содержания апостольского предания веры, которое вечно обновляется "яко юность орля" и соответственно преломляется в соборном сознании всех времен церковной истории, варьируясь в различиях рас, языков и культур. Наши славянские первоучители восстали против монополии античных языков на богослужебное употребление, справедливо назвав ее "триязычной ересью". По аналогии с этим нет монополии на построение раз навсегда богословия даже и у классической эпохи золотого века церковной литературы. Признавая всю силу авторитета и священности для нас этой эпохи, мы, по примеру свв. Мефодия и Кирилла, могли бы назвать "античной ересью" воспрещение переводить на язык новой европейской и славянской мысли все содержание христианства и трактовать его в свойственных нам формах новейшей проблематики…

Святоотеческая эпоха сплавлена с уровнем античного просвещения, утонченного в области философской диалектики, и очень примитивного в вопросах естествознания, истории, археологии, лингвистики. Странно было бы теперь ограничивать богослова в вопросах природы справками с "Шестодневом" Василия Великого, историка, вооруженного сравнительным методом, – Евсевием Кесарийским, библеиста, вооруженного лингвистикой и археологическими открытиями – экзегетикой Кирилла или Феодорита, исагогикой Иеронима, герменевтикой Тикония. Как богословы-умозрители, выразители духа церкви, св. отцы и в истории, и в экзегетике все равно останутся для верующего ученого вечными руководящими спутниками, но не в научной методике, не в технике установки фактов. Этот научный аппарат новой европейской эпохи настолько обогатился и методами, и твердо установленными историческими

[4] См.: Сб. Живое Предание. Православие в современности. [Православная мысль. Вып. 3]. Париж, 1937. С. 25–41.

фактами сравнительно с христианской античностью, что неискушенному в науке уму верующих людей неизбежно приходится часто переживать недоумения от встречи с непривычным объяснением многих вопросов, связанных с предметами религиозной веры. По психологическому закону абсолютизирования вещей относительных в атмосфере веры, в силу обычного смешения человеческого и изменчивого с божественным и неизменным, часто кажется, что новая богословская наука расходится с Священным Преданием церкви, тогда как тут в большинстве случаев мы имеем дело не с преданием церкви, а только с преданием школы или местного церковного быта…

Итак возникающие на почве роста науки конфликты и трения ее с нормальным бытовым консерватизмом церковных правительств и иногда простого народа не должны иметь без достаточных оснований трагического характера. Их нет там, где нет движения жизни, где жизнь церкви одичала от подавления культуры или где она оскудела. Их было много в древней церкви, когда догматическая жизнь била ключом, их может быть больше, чем сейчас, если этот пульс богословских интересов повысится. Но, повторяем, под этими трениями в принципе трагедии нет, и мы не должны ее создавать».

Эти положения, высказанные Карташевым еще за несколько лет до появления «Ветхозаветной библейской критики», можно считать ее предвосхищением, легитимацией той свободы научно-богословских исследований, пример которой даст Карташев в своем докладе 1944 г.

III

Библейская критика, то есть изучение Священного Писания методами историко-филологических дисциплин, зародилась в протестантской науке Нового Времени и поначалу была воспринята католическим, православным, а также консервативным протестантским богословием как соблазн и ересь. Такое отношение сохраняется до сих пор у протестантов-фундаменталистов. В Католической церкви историко-филологический подход к Библии получил право на полноценное существование и развитие лишь после энциклики папы Пия XII «Divino afflante Spiritu» (30 сентября 1943 г.). Интересно, что эта энциклика, ознаменовавшая коренной поворот в католической библеистике, появилась почти одновременно с историческим докладом Карташева, менее чем за полгода.

Возможно, апокалипсис Второй мировой войны наводил представителей разных церквей на мысль о том, что поздно прятаться за благочестивыми словами былого (поздно *«плакать по волосам»* и *«по ритуально-традиционной прическе»,* скажет Карташев в своем докладе). Описывая положение дел в католической библеистике, Карташев отмечает ее открытость к серьезному обсуждению выводов библейской критики и отдает дань уважения французскому католическому библеисту о. Мари Жозефу Лагранжу, создателю французской «Библейской Школы» в Иерусалиме. Однако энциклику «Divino afflante Spiritu» он не упоминает. Видимо, как это ни странно, на момент подготовки доклада Карташев еще не знал про нее.

В опыте Православной Церкви Карташев мог опереться на пример греческой библеистики, прежде всего – профессора Василия Велласа, которого он не раз упоминает в своей речи.

Даже в Свято-Сергиевском институте доклад Карташева некоторым из его коллег показался слишком резким разрывом с традицией. Другие же приветствовали его призыв к историческому исследованию ветхозаветных текстов. Приведем отрывки из воспоминаний двух людей, по духу близких Карташеву:

«…Та же верность Халкидону, который утверждает право человеческого начала, обязывает Антона Владимировича к тщательности критического анализа, который иногда смущает робкие души, и даже не одни только робкие. Я разумею его актовую речь: «Ветхозаветная библейская критика», вышедшую отдельной брошюрой в 1947 году. На нее болезненно реагировал и такой бесстрашный человек, как покойный Митрополит Евлогий. Владыка был, конечно, неправ. Можно соглашаться или не соглашаться с теми конкретными результатами, к которым пришла или приходила библейская наука в Западной Европе. Теория Велльгаузена о происхождении Пятокнижия вызывает и чисто-научные возражения. Но нельзя отрицать за ученым богословом права критического исследования, искания человеческих истоков богодуховенных писаний».

Епископ Кассиан (Безобразов)[5]

«Основной мыслью речи был призыв к признанию полной законности для православных библеистов изучения Ветхого Завета в его историческом контексте. Основным аргументом Карташева была ссылка на Халкидонский собор (451 г.), определивший богочеловеческую личность Христа как "совершенного Бога" и "совершенного человека". Из этого определения Карташев выводил и подлежащую историческому исследованию человеческую природу библейских текстов, в которой и через которую христианский экзегет может распознать и заключающийся в тексте божественный смысл, божественное Откровение»

---

[5] *Еп. Кассиан (Безобразов).* Антон Владимирович Карташев // Православная мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Париж, 1957. Вып. п. С. 9–16).

Протоиерей Иоанн Мейендорф[6]

Однако импульс, заданный докладом Карташева, не пропал. Выступая в июне 1990 года на библейской конференции в Институте востоковедения, протоиерей Александр Мень отметил: *«Многие говорили, что доклад провалился, потому что ни митрополит Евлогий, ни корпорация профессоров его не приняли. Но на самом деле это не так! После смерти Карташева в Свято-Сергиевском православном институте эта традиция сохранилась и продолжалась…»* Доклад Карташева был одной из часто цитируемых книг самого о. Александра Меня. Как и Карташев, о. Александр в вопросах авторства, времени создания и толкования ветхозаветных библейских книг в целом придерживался современных выводов библейской критики. Это отразилось и в книгах серии «В поисках Пути, Истины и Жизни», и во Введении в Ветхий Завет («Исагогика»), и в его фундаментальном труде – трехтомном «Библиологическом словаре».

[6] *Протоиерей Иоанн Мейендорф.* А. В. Карташев – общественный деятель и церковный историк // «Вопросы истории». № 1. 1994. С. 169–173.

IV

В связи с трудностями военного и послевоенного времени речь Карташева была опубликована лишь в 1947 г. – в издательстве YMCA-PRESS в Париже, небольшим тиражом. Это издание давно уже стало библиографической редкостью.

Единственное переиздание «Ветхозаветной библейской критики» было осуществлено журналом «Альфа и Омега» (2001, № 4 (30)). Впоследствии эта перепечатка была воспроизведена на нескольких интернет-ресурсах. Однако, по-видимому, в 2001 г. российское церковное сообщество было еще не готово к тому реальному диалогу с библейской наукой, к которому Карташев призывал своих парижских коллег в 1944 г. Поэтому в переиздании 2001 г. из доклада было изъято (заменено многоточиями) в общей сложности 24 пассажа – преимущественно посвященных проблемам датировки и атрибуции Пятикнижия и других ветхозаветных текстов. Объем этих изъятых при переиздании пассажей колебался от нескольких фраз до 30 000 знаков.

Хочется верить, что сейчас, наконец, семьдесят лет спустя после доклада Карташева, мы созрели для того, чтобы прочесть его речь без купюр.

Роза Адамянц, Михаил Селезнев

Актовая речь, произнесенная А. В. Карташевым 13 февраля 1944 г. в Свято-Сергиевской Духовной Академии в Париже (93, Rue de Crimee)

Актовая речь А. В. Карташева публикуется по первому изданию (YMCA-PRESS, 1947 г.). Для настоящего переиздания текст был переведен в современную орфографию, а пунктуация приведена в соответствие с современными нормами русского языка (насколько это возможно при сохранении авторского стиля). Кроме того, были выверены и, в случае необходимости, поправлены библиографические сноски.

В ряде мест мы сочли полезным для читателя указать цитируемый Карташевым источник или пояснить используемое им выражение. Это сделано в подстраничных примечаниях, помеченных *«прим. ред.»*. Подстраничные примечания самого Карташева либо первого издателя помечены, соответственно, *«прим. автора»* и *«прим. 1-го издания»*.

I

Пользуясь случаем настоящего скромного академического торжества, я имею нравственную потребность предложить вниманию просвещенного собрания несколько общих и по возможности простых слов о предмете весьма обширном, а именно: о ветхозаветной библейской критике. Этот предмет покрывает собой теперь почти всю ветхозаветную библейскую науку; он почти равнозначащ с нею. А дисциплина Ветхого Завета – одна из самых разработанных и богатейших по своей литературе в кругу других богословских дисциплин. И весь материал ее разрабатывается в наше время методом критическим, или иначе – историческим. Весьма сложный справочный аппарат дисциплины Ветхого Завета и в области первоисточников (т. е. текстов), и в области пособий подан исследователю столь роскошно, что здесь нетрудно рядиться в пышные одежды эрудиции и ослеплять непосвященных виртуозными выкладками специалистов. Но моей задачей в данном случае является как раз обратное желание – упростить, елико возможно, всякому православному, искренно интересующемуся богословским знанием, подход к сердцевинному, ключевому вопросу, который давно уже поставила пред нашим сознанием библейская наука, разрабатываемая критическим методом. Это вопрос: как мы должны правильно понимать и оценивать священные книги Ветхого Завета как орган сверхъестественного Божественного откровения истинной религии на нашей планете? Многие стороны обычного, традиционного взгляда на значение библейских текстов в системе наших догматических верований должны быть пепесмотрены и научно-богословски переформулированы в уровень с бесспорными достижениями библейской науки. Разумеется, по суду авторитетного церковного руководства, а не по частным только мнениям отдельных ученых тружеников. Пересмотр этих ходячих формулировок нашей веры настоятельно необходим для вящего ее укрепления; именно – укрепления через использование достижений библейской критики. Задача, аналогичная той, которую для себя ставил в свое время на путях философии В. С. Соловьев: «оправдать веру отцов своих, возведя ее на высшую ступень разумения».

Низшая, наивная ступень разумения подхода к ветхозаветной Библии уже не довлеет более злобе современного исторического дня. Тут не пустая и унизительная погоня за пошлой модой. Тут миссионерский долг и подвиг веры и церкви. Неисполнение его влечет за собой умаление веры в массах и потерю престижа церкви в мире. Излишни при этом были бы оговорки о разумной медлительности законного консерватизма, столь приличествующего церковной науке. Конечно, догматы церкви неподвижны, но разумное раскрытие и обоснование их и научно-апологетическое оборудование их должны быть подвижны в меру исторического движения человечества, ибо «суббота человека ради». И вот, надо признать, что неподвижный исторический консерватизм вселенской церкви (в лице всех ее вероисповеданий) уже слишком достаточно, почти два тысячелетия сопротивлялся какому бы то ни было отрицательному, профанному и критическому отношению к библейским материалам, чтобы можно было упрекать в особом легкомыслии и протестантство, и англиканскую, и римско-католическую церкви, что они с половины XIX и в начале XX в., в лице большинства своих самых сильных работников богословской науки, самых веских научных изданий, с дозволения своих высших цензурных органов, перешли к почти всеобщему принятию главнейших выводов ветхозаветной библейской критики.

В римско-католической церкви эти выводы если и не приемлются еще в прямом их виде, то они серьезно обсуждаются как методологические проблемы, как рабочие гипотезы, и потому выводят римско-католическую науку о Ветхом Завете из пелен немощной апологетики еще недавней, современной нашему детству эпохи Пия IX, на славное поприще большой и в настоящее время цветущей науки. Доступной всем иллюстрацией этого знаменательного перелома может служить, например, во французской науке сравнение двух частей капитальной библей-

ской энциклопедии «Dictionnaire de la Bible»; первой части, под редакцией аббата Вигуру, где над огромной эрудицией составителя еще тяготеет мрачная тень Syllabus'a, и – второй части, выходящей в наши дни под редакцией проф. Пиро и Робер, где уже все библейско-критические материалы смело и компетентно разжевываются на крепких зубах верующей, не боящейся света истинного знания, церковной науки. Эту смелость и уверенность развитию латинской библейской науки придает, как и во всем прочем, образцовая организованность римской церкви. Она не только поощряет развитие католической богословской науки до уровня достойной конкуренции ее с блестяще развившейся за время отсталой эпохи Пия IX внецерковной (протестантской и неверующей) наукою, но и искусно контролирует ее. Для этой цели достопочтенный Лев XIII (в миру умный дипломат, граф Печчи) еще с 1902 г. учредил при св. престоле так называемую «Библейскую Комиссию» из ученых кардиналов и консультантов, неторопливые и осторожные ответы и директивы которой по недоуменным библейским вопросам постепенно публикуются в официальных «Acta apostolicae Sedis» и в специальном «Enchiridion Biblicum» (Romae, 1927) и являются косвенно обязательными к руководству для всех церковных исследователей, преподавателей, школьников, клириков и мирян. При этом компетентными римскими канонистами мудро поясняется, что в «принципе» эта дисциплинарная безоговорочность суждений Библейской Комиссии нисколько не связывает ее самое и церковную власть на будущее время, когда новые открытия и прочные приобретения науки вновь уполномочат их дать обновленные и видоизмененные ответы на те же самые вопросы.

На фоне этого просвещенного порядка понятным становится такое красивое духовное явление, как выдающийся целожизненный ученый подвиг одного из великих библеистов, а именно – отца доминиканца Альбера-Мари-Жозефа Лагранжа (1855–1938), создателя и полувекового руководителя французской «Библейской Школы» в Иерусалиме (1890–1935), конечно, консультанта и самой папской Библейской Комиссии. О. Лагранж в своих объемистых трудах, в бесчисленных этюдах, большею частью появлявшихся в созданном им «Revue Biblique» и в серии «Etudes Bibliques», через своих учеников и преданных сотрудников, не без духовных борений внешних и внутренних, с покоряющей интеллектуальной силой и искусством проводил по всей линии библейских проблем начала библейской критики, названной им «историческим методом». Как глубоко верующему и законопослушному сыну церкви, о. Лагранжу пришлось пережить немало духовных драм, но конечная победа в этом сдержанном, бесшумном, но огромном состязании со школьно-богословской рутиной осталась за ним. Его долгая 83-летняя научно-аскетическая творческая жизнь легла незабываемой гранью между двумя эпохами римско-католической библейской науки, еще вчерашней докритической и нынешней – критической. Его благочестивый, верующий и верный догматам Церкви подход может служить опорой и руководством и нам – православным, еще не начинавшим подвига усвоения библейской критики.

До революционного саморазрушения России и уничижения русской церкви наша духовно-академическая наука была гегемоном для богословской учености других православных стран. Но ее ученая продуктивность по отделу библейскому, стоя не количественно, а качественно на уровне мировой учености, соблюдала еще волей-неволей стыдливое молчание о критическом перевороте, происшедшем в библейской науке. Были только некоторые осведомительные касания к щекотливым проблемам в статьях профессоров Ф. Г. Елеонского и В. П. Рыбинского. За четверть века отсутствия России в ее естественной роли предводителя православно-богословской учености заметно возросла и встала на общеевропейский уровень ученость православно-богословских факультетов балканских стран, особенно в Афинах. Но, как свидетельствуют солидные курсы общих и частных Введений в Ветхий Завет профессора И. С. Марковского («Въведение в Св. Писание на Ветхия Завет. Ч. I. Общо въведение», София, 1932 г.; «Ч. II. Частно въведение», София, 1936 г.) и профессора П. И. Брациотиса (П.І. *Μπρατζιώτης. Εισαγωγή εις την ΠαλαιανΔιαθήκην. Έν Άθήναις,* !937), ветхозаветная наука

в них построена еще всецело на предпосылках старой докритической школы, хотя проблемы критической науки и не замалчиваются здесь, как это делалось в старых учебных руководствах.

Новаторскую борозду в науке несомненно проводит второй молодой профессор Ветхого Завета и еврейского языка в Афинском богословском факультете Василий Веллас. Выученик немецкой науки и, в частности, венского профессора Э. Зеллина, верующего умеренного критициста, профессор Веллас на I Конгрессе православных богословов в Афинах в 1936 году выступил с докладом на тему «Bibelkritik und Kirchliche Autarität» (Procèsverbaux du I Congrès des théologiens orthodoxes à Athènes. Athènes, 1939. P. 135–143). И отдельно: Κριτικη της Βίβλου και εκκλησιαστικη αυθεντία (Άθηναι, 1937) в котором утверждает, что Православная церковь никогда не канонизировала употребляемого в ней текста Библии по его нынешней букве и не связывала богодухновенности библейского слова с вопросами об авторстве и единосоставности отдельных книг, что для нас вполне допустима, например, многосоставность книг, надписанных именами Исайи, Захарии, Даниила и так далее, что богодухновенность относится лишь к ее догматическим и религиозным истинам, а не к мнимой непогрешимости Библии в данных исторических, геологических, географических, хронологических, математических, вообще научно познаваемых. Посему профессор Веллас не видит оснований к конфликту между учительным авторитетом Православной церкви и методами и даже выводами библейской критики. Он и разделяет в основном эти выводы в своих печатных работах[7]. Несмотря на эту одну ласточку, еще не делающую весны, в общем пока приходится признать, что вопрос о прохождении ветхозаветной дисциплины сквозь горнило критического метода в богословских школах всех православных стран остается до сих пор еще непочатым делом. И столь старая в науке тема, как ветхозаветная библейская критика, звучит у нас на Востоке еще некоей новинкой. И как бесконечно грустно, что наша великая матерь русская Церковь сейчас так низко прибита к земле и поглощена пока самыми элементарными вопросами простого существования – «крестить и благовестить», что, может быть, не скоро еще удосужится вновь взойти на те аристократические высоты богословского цветения, с которых она свергнута была в низины революционной юдоли. Как бы хотелось в этой уже вечереющей для нас жизни очутиться еще раз в благолепных старостильных залах наших «Святых Академий» (по верному слову митрополита Санкт-Петербургского Антония Вадковского) и с их трибун выслушать речь о библейской критике профессоров Муретова, Троицкого, Рождественского, Мышцина, Тихомирова, Рыбинского, Глаголева, Петровского, Воронцова и других. Но…

«Иных уж нет,
А те – далече»…

И вот приходится самому, среди пустыни нашего «сорокалетнего» странствования поднимать «глас вопиющего» о давно пропущенном великой русской наукой (она велика, как все русское велико!) сроке усвоения и переработки плодов библейской критики. Молю Духа-Утешителя, да пошлет Он мне в сей час укрепление по слову одного из прекраснейших псалмов:

«Мал бех в братии моей
И юнший в дому отца моего…
Руце мои сотвористе орган,
И персты мои составиша псалтырь»…[8]

---

[7] См. напр.: Αἱ σύγχρονοι κατευθύνσεις τῆς ἐπιστήμης τῆς Παλαιᾶς Διαθήκης, Ἐν Ἀθήναις. 1932. Θρησκευτικες πρσωπικότητες της Παλαιας Διαθήκην. Ἐν Ἀθήναις, 1934–1935. „Ὑπόμνημα εἰς τὸ elgτό βιβιλίοντοῦ προφήτου Ναοῦμ“ Ἐν Ἀθήναις, 1930. – *Прим. автора; названия трудов В. Велласа уточнены ред.*

[8] ПС 151, 1–2. – Ред.

Дерзновенно уже одно то, чтобы охватить столь огромный, сложнейший и деликатнейший вопрос в краткой праздничной речи. Поэтому всяческие условные ограничения нашей задачи необходимы.

Самое мучительное из этих ограничений состоит в данном случае в том, что главнейший тезис, выдвигаемый библейской критикой, не может быть здесь ппедставлен с его доказательствами. Для этого нужен объем курса или книги. Тезис может быть лишь показан, декларативно заявлен. Он настолько же нов и радикален, как переход от Птолемея к Копернику. Нельзя за четверть часа даже отдельного человека, тем более целое собрание или общество перевести от геоцентрического мировоззрения к гелиоцентрическому или убедить в эволюционной гипотезе происхождения животных видов.

Итак, постараемся повести по возможности «простую речь о мудреных вещах», как озаглавлена одна русская философская книга[9].

[9] Имеется в виду: *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. – *Ред.*

II

Библейская критика – это сама историко-филологическая наука с ее критическими методами в приложении к Библии. Уместно ли такое применение научно-критических приемов к Священному Писанию, к слову Божию? Действительно, из всей мировой письменности Церковь отобрала, одобрила и преподает нам только это определенное собрание книг как письменный первоисточник Божественного откровения для принятия и усвоения его нашей способностью веры, а не для нашего разбирающего, то принимающего, то отвергающего разума. И тем не менее для работы нашего научного разума рядом с этим восприятием на веру догматического учения, содержащегося в священных книгах, остается еще огромное поле деятельности – такое же, как при изучении любых литературных памятников древности. Ибо Библия физически живет, как и другие книги, подвергаясь всем превратностям книжной судьбы, особенно за долгие тысячелетия их рукописного существования. Книги терялись, гибли от стихий, «огня, меча, нашествия иноплеменных» и проч., наполнялись неизбежными описками, ошибками, вариантами от каждого копииста и редактора. В частности, для древнееврейских книг была переломной эпоха III-II вв. до Р. Х., когда они со своего древнего ханаанского (или финикийского) шрифта перешли на нынешнее квадратное письмо арамейское или, иначе, ассирийское – «кета́в ашшури́». Перешифровка родила новые недоразумения и ошибки. Квадратный шрифт в свою очередь неудачен тем, что в нем очень много букв, схожих друг с другом и обычно перемешиваемых при чтении и переписке. Еще более глубокий дефект семитических языков состоит в том, что в них нет букв для гласных звуков. Пишутся одни согласные. Слова понимаются и произносятся по догадке. Это чтение по догадке гарантируется лишь традицией. Но само по себе слово, обычно состоящее из трех коренных согласных, при дополнении к ним трех гласных может быть произнесено двенадцатью различными способами. Некоторые из этих способов звучат грамматически вполне осмысленно, могут подходить и к смыслу данной фразы и таким образом видоизменять и ее значение.

Эпоха квадратного письма сверх того характеризуется еще тяжелой для нас манерой письма сплошного (scriptio continua), не отделяя слова от слова. Отсюда тоже огромное количество разных делений сплошной вереницы букв на слова, разных чтений и пониманий. Верными свидетелями всякого рода разночтений и вообще естественной изменчивости и текучести рукописного древнееврейского текста являются для нас древние переводы его на другие языки, начиная с греческого в III-II вв. до Р. Х. Придуманные раввинами позднее и установившиеся только в VI и VII вв. по Р. Х. две системы вокализации, то есть обозначения гласных букв особыми надстрочными значками, при сопоставлении ныне принятого вокализованного текста с древними переводами (греческим, сирским и иеронимовским латинским) наглядно показывают, что многие слова прежде разно вокализовались при чтении, то есть разно произносились и разно понимались.

Иудейские книжники, хранители и редакторы текста, знали, конечно, об этой естественной для всякой древней книги изменчивости текста, но до времени не думали какими-то экстренными мерами преодолеть природу вещей. Они особенно обеспокоились вариантами и спорностью текста только в евангельскую эпоху. Неприятные еретики для них христиане как бы отняли у них Библию и, читая ее преимущественно в греческом переводе, неожиданно толковали ее в применении к уничиженному, распятому и неузнанному иудейством Мессии.

Внешние политические обстоятельства были для иудеев еще грознее. Последние неудачные восстания иудеев против Римской империи при Веспасиане (в 70-м году) и при Адриане (134 г.) выдернули у них почву из-под ног для нормального государственного существования в качестве территориальной нации. Они лишились навсегда Иерусалима и Палестины и стали безземельным странствующим народом, объединенным только одной национальной религией,

а внутри религии – только книгой – Библией. Вот эта книга и сделалась для иудейства, взамен утраченной территории, единственной почвой под ногами, физически осязаемой и в то же время легко уносимой с собой в любую часть света. Каждый свиток и кодекс священной праотеческой письменности стал для рассеянного народа как бы тем надежным суденышком, а все вместе – тем огромным флотом, на котором иудейство поплыло в своих тысячелетних странствиях по всем морям и океанам. Понятны поэтому явившиеся вдруг у книжников чрезвычайные заботы и мероприятия к тому, чтобы обеспечить и забронировать эту базу и ограду нации подобно другим нациям, по-своему укрепляющим и обороняющим свои границы. И было придумано и осуществлено нечто чрезвычайное, героическое для возможного замораживания текучести библейского текста, для его искусственной остановки. Раввины изъяли из употребления все старые синагогальные списки и заменили их копиями с одного списка, признанного ими наилучшим и образцовым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.